

Евдоким (Мещерский), архим.; Беляев А. Д., проф.; Бензин В. М.; Глаголев С. С. проф.; Игнатий (Дверницкий), иеродиак.; Малинин А. П., препод. Вифанской Духовной семинарии; Рождественский Д. В., свящ. Из академической жизни: Кончина и погребение заслуженного ординарного профессора Московской Духовной Академии Д. Ф. Голубинского: [Слова и речи при погребении проф. Д. Ф. Голубинского] // Богословский вестник 1904. Т. 1. № 1. С. 188–216 (3-я пагин.).

ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Кончина и погребеніе заслуженнаго ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи Д. Ф. Голубинскаго.

Давно уже болѣзнь начала подтачивать слабыя старческія силы профессора Д. Ф. Голубинскаго. Врачи усиленно боролись съ недугомъ, но побѣдить его не смогли. Отъ слабости дѣятельности сердца у Д. Ф. началась водянка. Медленно, но вѣрно и безостановочно она стала захватывать постепенно все хилое тѣло Д. Ф. Предчувствуя скорую разлуку съ своимъ добрѣйшимъ и дорогимъ сослуживцемъ, профессора, начальствующіе, студенты и знакомые навѣщали больного, утѣшая его, какъ могли. Но все замѣтнѣе и замѣтнѣе становилось, что онъ недолго проживетъ на свѣтѣ. Мнѣ посчастливилось быть у Д. Ф. съ моимъ помощникомъ Н. Г. Высоцкимъ наканунѣ его смерти. Мы были около 2-хъ часовъ дня. Больной полулежалъ на диванѣ. Предъ нимъ лежала раскрытая книжка одного богословскаго журнала и томикъ сочиненій Нанспара. Онъ охотно съ нами разговаривалъ. Приглашалъ насъ снова придти къ нему. Но въ груди его уже слышались весьма зловѣщіе хрипы. Какой-то тайный голосъ мнѣ подсказалъ, что Д. Ф. больше не жилецъ на свѣтѣ. Посидѣвши еще нѣкоторое время у больного, пощупавши пульсъ, мы простились съ нимъ. Когда мы одѣвались, Д. Ф. постучалъ палкой объ полъ. Это означало, чтобы прислуга поднялась наверхъ и подала мнѣ одежду. Прислуга быстро явилась и исполнила его желаніе.

Выйдя отъ Д. Θ., я немедленно послалъ помощника за докторомъ, а самъ пошелъ доложить о всемъ Преосвященному Ректору.

Докторъ и фельдшеръ ничего не могли помочь больному. Болѣзнь дѣлала свое дѣло. Начался отекъ легкихъ. Къ вечеру Д. Θ. немного забылся, а съ полночи началась агонія. Къ утру, видя, что болѣзнь приняла острый характеръ, пригласили священника напутствовать умирающаго. Священникъ успѣлъ напутствовать Д. Θ. Больной со слезами на глазахъ причастился Св. Таинъ. Не прошло и десяти минутъ послѣ ухода священника, какъ Д. Θ. не стало. Онъ умеръ со слезами на глазахъ, устремивъ свой взоръ на икону... Было 23 ноября, 7 часовъ утра.

Вѣсть о смерти Д. Θ. пришла въ Академію, во время литургіи, когда уже читали Евангеліе. Послѣ сугубой эктениі была сейчасъ же заупокойная эктениа по новопреставленному рабѣ Божиему бояринѣ Димитріѣ, поразившая всѣхъ, какъ громомъ. А послѣ литургіи мною была отслужена паннихида съ участіемъ всего академическаго духовенства.

Вѣсть о смерти Д. Θ. быстро облетѣла весь Посадъ и вызвала чувства самой искренней неподдѣльной скорби. Всѣ устремились въ его убогую квартиру. Начались паннихиды торжественныя и частныя. Одну изъ паннихидъ въ присутствіи членовъ академической корпораціи и студентовъ служилъ Преосвященный Ректоръ Академіи съ академическимъ духовенствомъ. У гроба все время непрерывно совершалось чтеніе псалтыри студентами Академіи.

Выносъ тѣла былъ назначенъ 24-го въ 5 часовъ вечера. Къ этому времени въ квартиру почившаго собралась академическая корпорація, студенты и множество народа. Выносъ совершалъ самъ Преосвященный Ректоръ Академіи въ сослуженіи всего академическаго духовенства. Гробъ несли студенты Академіи на своихъ рукахъ до академическаго храма. Печальная процессія, освѣщаемая мелькавшими во тьмѣ свѣчами, растянулась на значительное пространство. Въ морозномъ воздухѣ звуки печальнаго перезвона на Лаврской колокольнѣ сливались съ пѣніемъ „святый Боже“ и настраивали душу неволью на грустныя думы.

По дорогѣ весьма часто совершались литіи. Наконецъ, процессія достигла академическаго храма, гдѣ такъ любилъ

молиться покойный. Гробъ не былъ украшенъ никакими вѣнками. Не былъ украшенъ потому, что покойный самъ не хотѣлъ, чтобы на его гробѣ были вѣнки, которые стоятъ большихъ денегъ. Всѣ рѣшили деньги, предполагавшіяся на покупку вѣнковъ, пожертвовать на памятникъ покойному. на который онъ, конечно, не оставилъ никакихъ денегъ... Какъ пріятно было смотрѣть на гробъ, свободный отъ этого тщеславія... Какъ гармонировала простота обстановки съ истинно-христіанскимъ настроеніемъ почившаго.

По внесеніи гроба въ храмъ и по установленіи его на катафалкѣ, заслуженный ординарный профессоръ А. Д. Бѣляевъ произнесъ слѣдующую трогательную и глубокосодержательную рѣчь.

Незабвенный сотрудникъ нашъ Димитрій Ѳеодоровичъ!

Воспитанный своимъ знаменитымъ отцемъ въ христіанскомъ благочестіи, ты всю свою долгую жизнь посвятилъ чтенію двухъ книгъ: книги природы и книги изъ книгъ— Библии. Оба эти занятія не раздвояли твоей личности, а, восполняя одно другое, создали въ душѣ твоей цѣлостное и жизненное христіански-научное міросозерцаніе. Эти два дѣла твоей жизни углубили и укрѣпили твою вѣру въ Бога и, неизмѣнно удерживая тебя на пути добродѣтели, возвели тебя *въ мѣру полного возраста Христова* (Еф. 4, 13). Естествоиспытатель и богословъ, ты изучалъ естественныя науки съ постоянною и горячею любовію; но вмѣстѣ съ тѣмъ ты превосходно зналъ священное Писаніе, и тебя интересовали разные богословскіе вопросы. Читая книги, дѣлая наблюденія, производя опыты, ты питалъ и удовлетворялъ свою ученую любознательность, не покидавшую тебя ни въ старости, ни во дни твоей тяжелой болѣзни; но плоды своихъ знаній природы ты приносилъ въ жертву Богу. Природа была для тебя поистинѣ міромъ Божиимъ, великимъ созданіемъ премудрости и благодати Божіей, прекраснымъ и величественнымъ храмомъ Божиимъ. Въ тайники этого неизмѣримаго храма ты проникалъ почти съ такимъ же благоговѣніемъ, съ какимъ вступалъ въ храмъ церковный. Увлекаясь изученіемъ явленій и законовъ природы, ты и въ законѣ Господнемъ поучался день и ночь. Ты не умомъ только созерцалъ и изслѣдывалъ истины откровенія Божія, но и любилъ ихъ своимъ сердцемъ и въ самой жизни своей

осуществлялъ заповѣданную въ немъ волю Божию. Ни во что вмѣнивши удовольствія міра и даже совѣмъ не зная ихъ, уклоняясь отъ пользованія житейскими благами, ты всѣмъ существомъ своимъ прилѣпился къ высшимъ, духовнымъ благамъ. Сердце твое было тамъ, гдѣ было твое сокровище (Лук. 12, 34). А сокровищемъ твоимъ, твоею драгоценною жемчужиной, для пріобрѣтенія которой ты пожертвовалъ всѣмъ (Матѣ. 13, 45 — 46), была добродѣтель: добродѣтель чувства — привязанность къ богослуженію, любовь къ красотѣ природы, благоговѣніе предъ величіемъ мірозданія; добродѣтель воли — подвигъ добродѣланія, нравственнаго совершенствованія, постояннаго духовнаго бодрствованія; добродѣтель ума — изученіе законовъ, силъ и жизни природы, изслѣдованіе тайнъ закона Божія, исканіе истины. Подобно евангельской Маріи, ты избралъ благуу часть, которая никогда у тебя не отнимется (Лук. 10, 42). Если всѣ, *слышащіе слово Божіе и соблюдающіе его блаженны* (Лук. 11, 28), то вполне прилично примѣнить къ тебѣ возвышенное евангельское ученіе о блаженствахъ, утѣшительное въ жизни и ободряющее при видѣ смерти.

Блаженны нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное. Твоя духовная нищета состояла въ томъ, что никогда нельзя было замѣтить, придаешь-ли ты хотя какуюнибудь цѣну своимъ заслугамъ на пользу Церкви, науки, общества, своимъ всегда точно провѣреннымъ познаніямъ, строгому исполненію служебнаго долга, неутомимому трудолюбію, нравственному совершенству.

Блаженны плачущіе, яко тѣи утѣшатся. Получая въ теченіе всей жизни достаточныя средства для безбѣднаго существованія, ты, конечно, не проливалъ тѣхъ слезъ, которыя выжимаетъ изъ глазъ тяжкая, гнетущая нищета; и утраты въ смерти дорогихъ тебѣ людей поражали тебя не большія, чѣмъ какія приходится испытать каждому человѣку. Тѣмъ не менѣе жизнь твоя одинокая, трудовая, однообразная и, безъ сомнѣнія, исполненная тяжелой внутренней борьбы, неизбѣжной для всѣхъ идущихъ тѣснымъ путемъ добродѣтели, не была красна на житейскій взглядъ; будучи подвигомъ добровольныхъ скудости и лишеній, она была совершенно противоположна жизни веселящихся и самую цѣль жизни полагающихъ въ весельѣ. Да утѣшитъ же тебя Богъ въч-

ными благами, въ стремленіи къ которымъ ты и здѣсь полагаешь все счастье своей жизни!

Блаженни кротции, яко тѣи наследуютъ землю. Вспыльчивость, гнѣвливость, раздражительность, не говоря уже о злобности, были тебѣ совершенно чужды. Никогда никто не слышалъ отъ тебя не только обиднаго слова, но и не замѣчалъ ни повышеннаго тона голоса, ни недовольнаго жеста, ни укоряющаго взгляда. Ни въ глаза, ни за глаза ты никогда никого не осуждалъ. Да увидишь ты за свою кротость *благая Господня на земли живыхъ* (Псал. 26, 13)!

Блаженни алчущіе и жаждущіе правды, яко тѣи насытятся.

Ты любилъ истину въ наукѣ, правду въ жизни. Слова не разнились у тебя отъ мыслей, и дѣло согласовалось съ словомъ. Твердость въ убѣжденіяхъ, искренность въ отношеніяхъ къ людямъ, правдивость въ словахъ, истинность въ писаніяхъ, честность въ дѣлахъ, никогда не покидали тебя. Ты жаждалъ истины и правды въ этой жизни и насыщалъ ими свою душу; да сподобить же тебя Христосъ, какъ источникъ истины (Іоан. 14, 6), *истѣе* Его причащаются въ *незвѣрныхъ дни царствія Его!*

Блаженни милостивіи, яко тѣи помиловани будутъ.

Снисходителемъ былъ ты ко всѣмъ, за исключеніемъ, быть можетъ, только себя одного. Неизмѣнный участникъ людскихъ радостей и горестей, ты всѣхъ дарилъ своимъ сочувствіемъ, выражая его и въ словѣ и въ дѣлѣ. Но особенно милосердъ ты былъ къ нищимъ. Въ притворѣ приходскаго храма цѣлыя десятки ихъ ожидали твоего выхода по окончаніи богослуженія, на перекресткахъ дорогъ они стерегли тебя. И въ твоихъ карманахъ всегда были приготовлены деньги для раздачи имъ. Никогда ни одному изъ нихъ ты не отказывалъ въ подаяніи, никогда не разбиралъ ты, достоинъ-ли помощи просящій. Ты давалъ не глядя, что вынимала рука. Лѣвая рука твоя не знала, что давала правая. За твое всегдашнее и великое милосердіе къ меньшей братіи Христа да будетъ и Онъ милостивъ къ твоимъ грѣхамъ, вольнымъ и невольнымъ, и да поставитъ тебя одесную Себя на страшномъ судѣ Своемъ!

Блаженни чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ

Сердце — сокровенное святое святыхъ человѣка. Внутренняя жизнь его извѣстна только Богу и самому человѣку.

Но непорочность твоего сердца, чистота твоей совѣсти отобразались въ твоёмъ невозмутимо-спокойномъ лицѣ, свѣтились въ твоихъ дѣтски-ясныхъ глазахъ. Ты любилъ созерцать совершенства Бога въ Его твореніяхъ, ощущать Его присутствіе въ храмѣ, слышать Его голосъ въ законѣ Божіемъ. Да удостоитъ же тебя Богъ высшаго блага—созерцанія Его лицомъ къ лицу!

Блажени миротворцы, яко тѣи сынове Божіи нарекутся.

При своей скромности, тихости и необычайной выдержанности характера ты не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться и не ввязывался въ чужія дѣла и отношенія. Но твое всегдашнее спокойствіе и безпримѣрная уравновѣшенность характера умиротворяли, незамѣтно для тебя самого, окружающихъ тебя. Ты былъ истинный сынъ Божій по благодати, да будешь же ты и сыномъ Бога и въ царствѣ славы Его!

Блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царствіе небесное.

Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденуть, и рекуть всякъ золь глаголъ на вы, лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ.

Тебя не изгоняли за правду. Личныхъ враговъ у тебя не было. Кротость, миролюбіе, сдержанность, скромность и благожелательность твои были столь постоянны и велики, что трудно даже и представить, чтобы кто нибудь могъ питать къ тебѣ непріязнь. Но однажды ты изобличилъ въ печати тенденціозное извращеніе научной и религіозной истины, и вотъ тебѣ за защиту истины и изобличеніе лжи печатно высказали несправедливое и злостное порицаніе.

Чуть-ли не главнымъ свойствомъ твоей добродѣтельной жизни и праведной души была дѣтскость. По слову Христа, царствіе Божіе принадлежитъ дѣтямъ (Марк. 10, 14), и взрослые не войдутъ въ царство небесное, если не будутъ, какъ дѣти (Матѣ. 18, 3—4). Надѣмся, что и ты, младенчески чистый и невинный человекъ, войдешь въ царство небесное. А насъ прости!

Потомъ начался парастасъ. Предъ каѳизмами студентомъ 3-го курса іеродіакономъ о. Игнатіемъ было произнесено слѣдующее одушевленное слово.

Помышляю смерть...

Смерть краснорѣчивѣ всякихъ словъ. Мы не знаемъ,

чтобы у гроба Христа раздавалось слово проповѣди. Мы не слышимъ его и въ моментъ святой кончины Матери Бога и человѣковъ. Когда умерли сынъ вдовы Наинской, дочь Іаира и братъ Марѳы и Маріи, таинство смерти всѣми присутствовавшими несомнѣнно сознавалось; и только слезы горя, вытекавшія изъ сознанія потери человѣка, казалось, нарушали таинство...

Нынѣ нарушить его надо здравымъ словомъ евангельской правды, чтобы слезы надъ гробами родныхъ и знакомыхъ не были плачемъ о насъ самихъ, живыхъ мертвецахъ.

Умеръ одинъ нашъ ближній... Но и мы умремъ. Это надо хорошо знать. Даже мало того, надо знаніе это прилагать къ чему-нибудь въ жизни, надо жить, зная—что умремъ. Жизнь каждаго человѣка бываетъ такою или иною смотря потому, какое употребленіе дѣлаетъ онъ изъ знанія о своей смерти.

Были язычники... Все, что намъ говоритъ исторія объ ихъ развратной жизни, находитъ себѣ оправданіе въ ихъ безотрадномъ взглядѣ на смерть. Если смерть есть неизбѣжное и безобразное зло, то выводъ отсюда ясенъ: надо торопиться жить, надо спѣшить насладиться всѣми радостями бытія. Будемъ ѣсть, пить и веселиться, ибо завтра (быть можетъ) умремъ—вотъ мораль, вотъ жизненное правило язычниковъ.

Были іудеи... За рубежомъ смерти неясно вырисовывался имъ желанный образъ грядущаго Мессіи — Царя. Смерть придвигала только къ Этому Мессіи—если не ихъ самихъ, то ихъ потомковъ. Отсюда—вѣчная боязнь затеряться какъ-нибудь въ исторіи, вѣчная жажда земнаго безсмертія въ потомствѣ; отсюда чрезмѣрныя заботы о матеріальной сторонѣ жизни, въ надеждѣ тѣмъ самымъ наилучше обезпечить безсмертіе на землѣ.

Были, наконецъ, христіане... Для нихъ смерть была урокомъ, завѣщаннымъ Учителемъ Христомъ. И какимъ урокомъ! Для тѣхъ, которые—Христовы, все стало яснымъ. Есть одна вѣчная, свѣтлая, чистая, святая жизнь. Она начинается съ момента крещенія во Имя Христово. Смерть не разбиваетъ этой вѣчности на двѣ какія-то непохожія одна на другую половины. Смерть только сонъ, который имѣетъ смѣниться скорымъ пробужденіемъ. Будущая небесная блаженная жизнь начинается здѣсь, на землѣ. Пои-

дите къ первымъ христіанамъ и вы увидите въ нихъ что-то сверхчеловѣческое. Они покажутся вамъ какъ бы особыми существами, слетѣвшими съ неба, покажутся земными ангелами.

Были язычники и іудеи—но страшно много ихъ и въ наши тяжелые дни. Не язычество ли и іудейство видимъ мы съ ужасомъ въ современномъ, такъ называемомъ—культурномъ челоуѣчествѣ, которое, по свидѣтельству лучшихъ пастырей нашей Церкви, развратилось до невозможности? Оно считаетъ смерть тоже безобразной и глупой—и вотъ спѣшитъ испить полную чашу удовольствій и радостей земныхъ, или малодушно и преступно налагаетъ на себя руку—въ надеждѣ прекратить бессмысленное бытіе. Оно грубо оттолкнуло отъ себя Христа и ищетъ себѣ царя, достойнаго себя же. Оно иногда мирится съ фактомъ смерти—въ надеждѣ, что послѣдующія поколѣнія людей доживутъ до той золотой поры, когда на землѣ вслѣдствіе накопленія богатствъ, вслѣдствіе политическихъ переустройствъ и какъ результатъ прогресса—создастся царство мира и счастья.—Жалко смотрѣть на слѣпца, ошупью отыскивающего дорогу: тяжело видѣть его, когда онъ сбился съ пути и вотъ готовъ уже упасть въ яму. Тяжело и вѣрующему сердцу имѣть въ наши дни дѣло съ людьми, которые не такъ помышляютъ смерть, какъ это слѣдовало бы.

Были христіане—но есть ли они въ наши дни? Мало ихъ христіанъ не по имени одному, а и по жизни. Мало. Тѣмъ болѣе дороги они должны быть для матери-церкви.

Одинъ изъ такихъ христіанъ лежитъ предъ нами во гробѣ, послѣднемъ жилищѣ брэннаго тѣла. Незабвенный рабъ Божій Димитрій любилъ родителей своихъ, за что и награжденъ долготѣіемъ на землѣ. Онъ былъ дѣвственникомъ, въ чемъ и признавался весьма многимъ изъ насъ. Онъ былъ совершенъ, ибо раздалъ имѣніе свое, далъ его нищимъ. Онъ смирилъ себя до того, что отказался отъ мірской славы и почестей и захотѣлъ умереть простымъ чтецомъ нашей церкви. И любилъ онъ церковь, какъ добрый и послушный сынъ любить родную мать. Вся жизнь его была подвигомъ терпѣнія и любви. Можно сказать, что теперь свѣтъ его просвѣтился предъ челоуѣки, ибо мы видѣли добрыя его дѣла и славили Бога. Жизнь дорогого Димитрія Феодоро-

веча была могучей и здравой проповѣдью о... смерти. Вѣруйте, что нѣтъ смерти, ибо она побѣждена Христомъ, какъ бы говорилъ онъ. Вѣруйте, что есть вѣчная жизнь, которая для насъ съ вами уже наступила съ момента св. крещенія. Вѣруйте такъ, такъ помышляйте смерть и старайтесь, чтобы начало вѣчной жизни, т. е. краткую земную жизнь сдѣлать чистой, святой и блаженной. Пусть память смертная зоветъ васъ къ болѣе усердному дѣланію добра во Имя Христово!— Помышляя смерть, спѣшите жизнь свою сдѣлать отъ начала до конца сплошнымъ служеніемъ людямъ и Богу, однимъ непрерывнымъ и радостнымъ богослуженіемъ, однимъ благодарственнымъ гимномъ Творцу!..

Какъ бы такъ всегда наставлялъ и сейчасъ учить насъ нашъ общій дорогой покойникъ. Неужели мы, собравшіеся здѣсь не только для молитвы, но и для наученія,—неужели всѣ мы останемся глухи къ этимъ завѣтамъ достойнаго ученика Христова? Неужели станемъ еще смотрѣть на смерть и на жизнь глазами язычниковъ и іудеевъ?..

Нѣтъ. Такъ будемъ же ходить достойно христіанскаго званія! Аминь.

На другой день заупокойную литургію совершалъ самъ Преосвященный Ректоръ Академіи въ сослуженіи всего академическаго духовенства и нѣкоторыхъ священниковъ, пріѣхавшихъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ почтить память умершаго. Во время причастнаго стиха ординарный профессоръ Академіи С. С. Глаголевъ произнесъ слово, посвященное памяти почившаго.

Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ
человѣки, яко да видятъ ваша добрая
дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже
на небесѣхъ. Мѡ. 5, 16.

У этого гроба можно плакать только о живыхъ, но не объ умершемъ. Живые лишились того, кто былъ для нихъ живымъ нравственнымъ правиломъ. Но чего лишился умершій, оставивъ этотъ міръ? Если этотъ міръ есть школа воспитывающая и приготавливающая людей для царства небеснаго, то онъ давно усвоилъ лучшіе уроки этой школы. Къ этому міру привязываютъ насъ близкіе и дорогіе намъ люди. Всѣ мы, смѣю думать, были ему близки. Но однако самые близкіе ему люди—не здѣсь. Его матери, братьевъ и сестеръ мы

не видимъ. Самымъ дорогимъ человѣкомъ былъ для него его покойный родитель, святыя завѣты котораго онъ свято осуществлялъ. Онъ сошелъ въ могилу почти полвѣка назадъ. Такъ если у покойнаго много близкихъ людей здѣсь, то самые близкіе ему находятся не въ этомъ мірѣ, а тамъ, куда онъ только что ушелъ отъ насъ.

Что могло привязывать его къ землѣ? Его занятія состояли въ выясненіи юнымъ богословамъ премудрости и благодати Божіей, открывающихся при изученіи и созерцаніи міра, его жизнь текла между его приходскимъ и академическимъ храмомъ. Богъ, Богочеловѣкъ Христосъ, Его пречистая Матерь, небожители, святыя, вотъ—тотъ міръ, въ которомъ жилъ его духъ, когда онъ былъ среди насъ и куда ушелъ онъ, оставивъ насъ. Ему ненуженъ былъ міръ, но онъ былъ нуженъ міру. Онъ имѣлъ слабое здоровье, давно онъ производилъ впечатлѣніе старца, давно казалось, что онъ стоитъ на грани двухъ міровъ. Онъ страшно утомлялся и уставалъ отъ земныхъ заботъ и тревогъ, но Господь не отзывалъ его въ міръ покоя, потому что онъ нуженъ былъ этому міру волненій. Нужно было, чтобы его нравственный обликъ запечатлѣлся какъ можно тверже и какъ можно въ большемъ числѣ сердець. Въ пятидесятомъ году прошлаго столѣтія онъ поступилъ въ число студентовъ академіи и въ пятьдесятъ четвертомъ непосредственно по окончаніи курса сталъ ея наставникомъ. Для всѣхъ академическихъ поколѣній этого болѣе, чѣмъ полстолѣтія, онъ былъ исполнителемъ завѣта: „такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего Небеснаго“ (Мѣ. 5, 16). И онъ свѣтилъ тѣмъ, которые сами должны были свѣтить другимъ—будущимъ служителямъ Церкви и ученія Христа.

Всегда „былъ Свѣтъ истинный, Который просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ“ (Іоан. 1, 9). Свѣтъ отъ этого свѣта всю жизнь неугасимо горѣлъ въ сердцѣ покойнаго и освѣщалъ и согрѣвалъ всѣхъ приближавшихся къ нему.

Можетъ быть, не мнѣ бы надлежало выяснять свѣтлый духовный обликъ покойнаго, но самонадѣянно и неосторожно принявъ на себя эту обязанность, попытаюсь выполнить ее по мѣрѣ моихъ слабыхъ силъ.

Апостоль сказалъ аѳинянамъ, что „Богъ недалеко отъ каждаго изъ насъ“ (Дѣян. 17, 27). Недалеко; но въ своихъ посланіяхъ апостоль раскрылъ намъ, что и неодинаково близко. А главное—мы неодинаково чувствуемъ эту близость Божества. Ослабѣвшій для воспріятія безконечнаго органъ души не ощущаетъ Бога; человѣку кажется, что Богъ безконечно далекъ отъ него, что въ немъ и около него нѣтъ Бога, что онъ стоитъ не на святомъ мѣстѣ, что грѣхи, которые онъ совершаетъ здѣсь, не могутъ оскорбить Бога, потому что они совершаются вдали отъ Него. Не ощущая близости Бога, человѣкъ не чувствуетъ благоговѣнія къ Богу. Около себя онъ не видитъ ничего выше себя, онъ является господиномъ положенія, онъ самъ опредѣляетъ законы, онъ хулитъ и порицаетъ и дѣлаетъ зло и не стыдится, потому что стыдъ есть слѣдствіе сознанія несоотвѣтствія между высшими требованіями и своимъ недостойнымъ поведеніемъ. Но если не чувствуется близости Того, Кто вложилъ высшія требованія въ природу человѣка, то не чувствуется и стыда за ихъ нарушеніе. Къ счастью человечества существуютъ иные люди—люди богоносцы. Они носятъ Бога въ своемъ сердцѣ, они не только знаютъ, но всегда помнятъ и чувствуютъ, что Богъ—вездѣ. Они видятъ Его за Его твореніями и въ самомъ ничтожномъ изъ людей они видятъ Его вѣчный образъ, потому что человѣкъ созданъ по образу Божію. Одно изъ такихъ людей мы теперь провожаемъ въ могилу. Основнымъ чувствомъ его души, сообщавшимъ настроеніе его духу и, какъ священная музыка, опредѣлявшимъ его дѣла; слова и помышленія, было благоговѣніе къ Богу, особенное благоговѣніе къ тому, гдѣ, въ комъ и въ чемъ особенно явилъ Себя Богъ.

Многимъ вѣрующимъ доступно и понятно это святое чувство. Но оно связывается обыкновенно съ храмомъ, съ особенными моментами жизни. Да блаженъ и тотъ, кого посѣщаетъ оно хотя и въ рѣдкіе моменты. Для нашего почившаго это чувство было постояннымъ, какъ ощущеніе жизни. Стоя предъ алтаремъ, мы стараемся изгонять изъ своей души дурныя мысли и заглушать дурныя намѣренія, потому что они не достойны святого мѣста, на которомъ мы находимся. Для почившаго не существовало мѣста, на которомъ была бы въ его глазахъ терпима не только дурная мысль,

но и то, что мы считаемъ самой невинной забавой, ироніей, насмѣшкой, остротой. Вездѣ онъ стремился дѣлать, говорить и мыслить достойное Бога. Когда мы находимся въ присутствіи высшихъ, мы не позволяемъ вести себя небрежно, говорить празныя слова, допускать вольности. Онъ чувствовалъ себя постоянно въ присутствіи высочайшаго Бога. Мы говоримъ: нельзя смѣяться въ церкви. Онъ не смѣялся никогда и нигдѣ. Да не подумаетъ кто, что онъ былъ суровъ. Нѣтъ, онъ улыбался часто, особенно улыбался онъ, когда улавливалъ кого-либо на доброе дѣло, когда видѣлъ торжество добра, торжество православной идеи. Но смѣхъ всегда вызывается чѣмъ-либо неестественнымъ, тѣмъ-что не должно существовать—ошибками, промахами, недоразумѣніями. Въ его глазахъ все это было прискорбно, а не смѣшно.

Его звали: „Голубинскій святой, Голубинскій благочестивый“. Да, заповѣдь Божія. „будьте святы, какъ ѿ святыхъ“ была его идеаломъ и его правиломъ, и благочестіе было его жизненнымъ настроеніемъ. Когда мы приближаемся къ ракъ преподобнаго Сергія, мы тщетно пытаемся представить себѣ, что великій основатель лавры находится близъ насъ, близъ себя мы видимъ лишь его раку съ мощами. Но настроеніе почившаго показывало, что онъ чувствовалъ около церкви земной близость церкви небесной. Эта близость требуетъ отъ того, кто ее чувствуетъ, высокой собранности духа, благоговѣйнаго настроенія, и онъ былъ исполненъ благоговѣнія и благочестія. Онъ какъ бы представлялъ себя въ присутствіи суда высшаго—небеснаго и держалъ себя сообразно съ этимъ. Но самъ онъ не судилъ никого. А на экзаменахъ? спросять его молодые слушатели. Да, на экзаменахъ онъ судилъ и онъ не былъ никогда на нихъ адвокатомъ незнанія. Его оцѣнка не была ни снисходительной, ни строгой, онъ стремился быть справедливымъ. Но на экзаменахъ онъ судилъ не по своей волѣ и не для своего удовольствія, это было его обязанностью и онъ не уклонялся отъ нея, напротивъ, шелъ ей навстрѣчу. Не этотъ и не подобный судъ осужденъ Богомъ. Есть судъ иной—самозванный и самовольный по своему происхожденію и злостный по своей цѣли. О немъ сказалъ Господь: „не судите, да не судимы будете“ (Мѣ. 7, 1). И одинъ изъ новозавѣтныхъ писателей

учить насъ, что даже одинъ изъ высшихъ ангеловъ—архангелъ Михаилъ—не смѣлъ произнести укоризненнаго суда надъ діаволомъ, но только сказалъ: „да запретить тебѣ Господь“ (Луд. 9). Много-ли каждый изъ насъ встрѣчалъ и встрѣтитъ на своемъ жизненномъ пути людей, которые не произнесутъ укоризны на человѣка даже тогда, когда въ его устахъ слышится рѣчь, навѣянная діаволомъ. Много-ли вообще можно встрѣтить людей, которые не допускаютъ злословія и укоризнъ по отношенію къ ближнему—особенно въ его отсутствіе? Много-ли наконецъ такихъ—и не въ Содомѣ, а въ самыхъ христіаннѣйшихъ городахъ міра,—которые говорили бы только хорошее даже о людяхъ, дѣлавшихъ имъ непріятное или злое? Кто зналъ покойнаго, тотъ по крайней мѣрѣ хотя разъ въ жизни встрѣтилъ такого человѣка. Но встрѣтить разъ въ жизни такого человѣка значить уже примириться съ невагодами жизни. Можно не довѣрять самому сильному уму. Умъ можетъ быть лукавымъ. Но въ добро не вѣрять нельзя. И каждая встрѣча съ истинно добрымъ дѣломъ и съ дѣйствительно добрымъ человѣкомъ утверждаетъ нашу вѣру въ добро и его торжество. Умъ, какъ бы онъ ни былъ силенъ, можетъ быть введенъ въ заблужденіе умомъ сильнѣйшимъ. Умъ діавольскій можетъ запутать и генія. Добро не можетъ заблуждаться. Когда эта рука покойнаго, теперь навѣки ставшая неподвижною, протягивала милостыню глубоко павшему человѣку, и милостыня немедленно получала недостойное употребленіе, не должно думать, что не торжествовало добро. Добро торжествовало и здѣсь. Какъ бы низко не палъ человѣкъ, онъ можетъ повредить, но не можетъ уничтожить въ себѣ образъ Божій. И монета, которую подаютъ только во имя добра, а не во имя какихъ-либо иныхъ соображеній, всегда будетъ содѣйствовать возстановленію въ людяхъ образа Божія; тѣ, которые протягиваются за этой монетой, не могутъ не чувствовать, что имъ подаетъ ее не сытый судья, презирающій ихъ, а жалѣющій ихъ и готовый помочь имъ братъ, и уже эта мысль, что у нихъ—у этихъ людей враждующихъ между собою изъ за полученнаго или украденнаго куска и на которыхъ весь міръ смотритъ какъ на враговъ и смерть которыхъ привѣтствуется словами: ну, и слава Богу, что умерли, мысль, что и у нихъ есть добрый, любящій и жа-

лѣющей ихъ братъ, должна согрѣвать и смягчать ихъ отъ житейскихъ невзгодъ огрубѣвшее сердце. Это—въ тѣхъ случаяхъ, когда милостыня въ глазахъ многихъ представляется неразумною, какъ способствующая развитію тунеядства и распущенности, почему въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ приняты мѣры, чтобы сдѣлать ее невозможною. Но вѣдь, сколько есть дѣйствительно бѣдныхъ, дѣйствительно несчастныхъ, которыхъ только во-время поданная помощь можетъ спасти отъ принудительнаго тунеядства и распущенности. Горе, болѣзнь и нужда ходять повсюду. Добрые совѣты: бѣднымъ—работайте, и нездоровымъ—теплѣй одѣвайтесь и ѣшьте питательнѣй пищу, тоже раздаются повсюду. Но вотъ къ нищему протягивается рука того, съ которымъ мы сейчасъ расстаемся на вѣки, протягивается съ подаяніемъ. Къ подаянію не присоединяется слово, однако это подаяніе несетъ съ собою не только удовлетвореніе нужды, но и поученіе и не для того только, кто получилъ подаяніе, но и для того, кто ничего не давалъ кромѣ совѣтовъ. Получившаго подаяніе обвѣяло надеждой и лаской, а не подавшій почувствовалъ нѣкоторую неловкость, а разъ онъ ее почувствовалъ, это уже шагъ къ совершенствованію.

Мы всѣ питались отъ богатаго стола этого бѣднаго чело-вѣка. Онъ подавалъ не только тѣмъ, кто, не имѣя наслѣдственнаго, не хотѣлъ имѣть пріобрѣтеннаго трудомъ, или тѣмъ, кому Господь судилъ пострадать въ нищетѣ и болѣзняхъ, но и тѣмъ, кто думалъ, что не нуждается въ милостыни, и кто никогда не собирался ее просить. Онъ подавалъ ее своимъ примѣромъ и своимъ благорасположеніемъ. При немъ замыкались уста для злословія и праздныхъ рѣчей, при немъ становились понятными умершіе до насъ крѣпкіе духомъ служители православія; его рѣчи о добромъ, которое было въ прошломъ, смиряли наше высокомеріе, вызываемое мыслью о высокой культурѣ настоящаго. Являлся онъ, и присутствовавшіе начинали понимать, что значить истинное благотвореніе, состоящее не въ томъ, чтобы отдать лишній рубль изъ кошелька, а чтобы свой трудъ, свои заботы, свое время или, наконецъ, дѣйствительно самому нужнѣй рубль отдать нищему. Смотришь на него и начинаешь понимать, что значить оказать услугу. Это не значить какъ-нибудь отдѣлаться или отвязаться отъ чело-

вѣка, какъ поступилъ неправедный судія по отношенію къ бѣдной вдовѣ въ притчѣ Спасителя. Это значитъ выйти навстрѣчу нуждающемуся и никогда потомъ даже и въ мысляхъ не осудить его за причиненное безпокойство. Не осуждать въ мысляхъ и одобрять въ словахъ—вотъ былъ способъ отношенія почившаго къ людямъ. Однако одобрять не такъ, какъ одобряютъ постоянно. „Вы поступили хорошо, вы сказали или написали прекрасно; „эти рѣчи обыкновенно диктуются или лестью, или тактомъ или въ лучшемъ случаѣ снисходительною добротою. Онъ хвалилъ лишь то, что ему дѣйствительно представлялось хорошимъ: добрую мысль и доброе дѣло. Когда по его мнѣнію хвалить было нечего, онъ молчалъ.

Какъ онъ былъ богатъ въ своей бѣдности, такъ онъ былъ великъ въ своемъ смиреніи. На памятникѣ его отца написано, что примѣромъ жизни онъ училъ смиренію. Видно, что прежде всего онъ научилъ смиренію сына, и это смиреніе было глубокимъ, искреннимъ и христіанскимъ. Смиреніе бываетъ различнымъ, можетъ имѣть различные мотивы и цѣли. Бываетъ, что человекъ облачается въ тогу смиренія, чтобы оно было замѣчено, чтобы ему сказали: другъ! зачѣмъ ты садишься на послѣднее мѣсто, когда тебѣ по праву принадлежитъ первое. Это—смиреніе, рассчитанное на эффе́ктъ, одинъ изъ методологическихъ приемовъ для удовлетворенія своего чувства гордости. Есть иное смиреніе, имѣющее цѣлю не возвеличеніе себя, а обличеніе другихъ. Это—смиреніе юродства, это—особый подвигъ, совершаемый особо призванными къ нему Промысломъ Божиимъ. Этого смиренія всегда боялись гордые и сильные земли. Это смиреніе унижало людей въ добрыхъ цѣляхъ все равно, какъ смиреніе рассчитывающее на возвышеніе можетъ унижать людей во имя недобрыхъ мотивовъ. Но покойный не былъ и не хотѣлъ быть обличителемъ. Его смиреніе не было ни лицемѣрнымъ, ни назидательнымъ самоуниженіемъ, оно было въ немъ естественною скромностію. Онъ принималъ дарованныя ему права, какъ и возложенныя на него обязанности, просто, скромно.

Смиреніе покойнаго проистекало изъ его метода жизни. Въ другихъ онъ искалъ, что они сдѣлали добраго, и спѣшилъ въ слухъ и громко отмѣчать сдѣланное, но своихъ

добродѣтелей онъ не видалъ, потому что его идеаломъ былъ подвигоположникъ Іисусъ и въ себѣ онъ смотрѣлъ постоянно на то, что ему представлялось несоотвѣтствующимъ идеалу, что нужно было уничтожить или исправить. Совершивъ все повелѣнное, онъ, какъ добрый рабъ, считалъ, что не совершилъ ничего.

Теперь, когда онъ ушелъ отъ насъ въ путь, идѣже нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія и когда приближаются минуты послѣдняго цѣлованія, его образъ поведения, его слова, рѣчи и дѣла выступаютъ въ памяти особенно ярко, рѣзко и живо. Даже смущаешься! Онъ какъ бы поднимается изъ гроба нѣкоторой нравственной укоризной: у тебя былъ такой хорошій учитель и ты остался такимъ плохимъ.

А онъ былъ хорошимъ учителемъ! Самое высшее ученіе по мнѣнію всѣхъ, какъ вѣрующихъ, такъ и невѣрующихъ, но читавшихъ Евангеліе, заключено въ нагорной бесѣдѣ. Но Божественность Христа ярко открывается въ томъ, что лучшимъ изъ людей Онъ даетъ въ высокой степени осуществлять заповѣти этой бесѣды. Заповѣди о молитвѣ, милостынѣ, постѣ—не такъ ли творилъ ихъ покойный, какъ заповѣдалъ Христосъ? А заповѣди о блаженствѣ? Почившій стремился быть нищимъ духомъ, сокрушался о грѣхахъ, былъ кротокъ, алкалъ и жаждалъ правды, былъ милостивъ, чистъ сердцемъ, хотѣлъ и стремился къ тому, чтобы былъ миръ и среди другихъ. Его не гнали, не поносили, но онъ видѣлъ, какъ гнали Христову истину, какъ глумились надъ ученіемъ Христа и какъ извращали это святое ученіе. А когда гонять и преслѣдуютъ то, что для насъ выше, дороже и святѣ всего, то это гораздо тяжелѣе, чѣмъ еслибы гнали насъ самихъ.

Почившій понесъ крестъ блаженствъ на своихъ физически слабыхъ, но нравственно столь могучихъ плечахъ. И теперь надъ нимъ мы должны сказать: блаженны мертвые, умирающіе о Господѣ. Будемъ молить теперь о томъ, чтобы Господь увѣнчалъ его этимъ вѣнцомъ блаженства. Молясь о немъ, прославимъ вмѣстѣ съ тѣмъ нашего Небеснаго Отца, даровавшаго намъ жить вмѣстѣ съ нимъ и учиться у него, воплотившаго въ своей жизни въ столь высокой степени требованія вѣры и добра. Аминь!

На отпѣваніе выходили, кромѣ участвовавшихъ въ совершеніи литургіи, казначей Лавры Архимандритъ Никонъ, о. Ректоръ Виѣанской семинаріи, протоіерей А. Бѣляевъ и другіе священнослужители. Во время отпѣванія были произнесены слѣдующія рѣчи.

Рѣчь студента IV-го курса В. М. Бензина.

Умеръ нашъ Димитрій Ѳедоровичъ... Медленно онъ угасалъ и его кончина не была для насъ неожиданностью, однако невольная грусть тронула не одно юное сердце при вѣсти о смерти нашего академическаго дѣдушки. Въ представленіи cadaго воскресъ его незабвенный образъ, особенно живо почувствовалась та нравственная связь, которая много лѣтъ соединяла его со студентами, сразу стало ясно, что академическая семья понесла невознаградимую утрату, что безъ Димитрія Ѳедоровича ей чего-то будетъ недоставать.

Какія же узы такъ ощутительно соединяли насъ съ Димитріемъ Ѳедоровичемъ?

Всѣхъ насъ привлекала къ нему и роднила съ нимъ всегда юная его душа и его чистое, доброе, дѣтски-незловивое сердце. Полсотни лѣтъ разницы въ возрастѣ, значительное разстояніе въ общественномъ положеніи не ставили никакихъ преградъ между имъ и его учениками-студентами. И въ аудиторіи, и въ обыденныхъ отношеніяхъ онъ былъ нашимъ другомъ, учителемъ и воспитателемъ.

Не могу представить себѣ Димитрія Ѳедоровича безъ его склянокъ, приборовъ, безъ его занятій по физикѣ и химіи: онъ безъ нихъ не могъ жить какъ безъ воздуха и жилъ ими до послѣднихъ дней своей жизни.

Съ какой горячей готовностью онъ отвѣчалъ на всякій вопросъ, никогда не смущался его элементарностью и всегда удовлетворялъ любопытство обстоятельными разъясненіями. Всякій новый опытъ, о которомъ онъ узнавалъ, сейчасъ же провѣрялся имъ съ замѣчательной тщательностью и добросовѣстностью, къ приборамъ онъ относился съ любовной бережностью, какъ къ своимъ дѣтищамъ, при объясненіи cadaго прибора и опыта всегда называлъ имена естествоиспытателей и изобрѣтателей, которыя были для него дороги.

Уже на одрѣ болѣзни онъ отъ моихъ распросовъ о его здоровьи всегда переходилъ къ описанію какого-нибудь

опыта, совѣтуя его самостоятельно провѣрить. Недѣли за три до своей смерти, въ мое послѣднее посѣщеніе, онъ, не смотря на мое стараніе отклонить разговоръ отъ утомлявшихъ его объясненій, совѣтовалъ произвести одинъ опытъ и хотѣлъ дать склянку съ каліемъ, которая была у него. Слабый, онъ перешелъ черезъ комнату и подошелъ къ шкапу, гдѣ хранилась склянка, но силы его покинули, онъ задыхался и упалъ бы безъ моей поддержки. Съ трудомъ удалось убѣдить его отложить этотъ опытъ до слѣдующаго посѣщенія, которое къ моему огорченію такъ и не состоялось.

Димитрій Ѳедоровичъ называлъ меня своимъ другомъ, но кто же изъ студентовъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, не чувствовалъ съ первыхъ же словъ искренней расположенности къ людямъ и доброты его сердца? Развѣ среди насъ у него могли быть враги?—Онъ былъ нашъ общій другъ. Если къ нему обращались какъ къ предсѣдателю Братства, онъ подробно спрашивалъ студента о семейномъ положеніи и нуждахъ его, всею душой входилъ въ положеніе каждаго, обращающагося за пособіемъ въ Братство и употреблялъ все усилія, чтобы помочь. Въ этомъ случаѣ онъ отличался удивительной настойчивостью и свое дѣло считалъ дѣломъ Божьимъ.

Хлопоты по дѣламъ Братства причиняли ему немало волненій, потому что онъ не могъ не принимать близко къ сердцу студенческихъ нуждъ. Эти волненія въ позапрошлое лѣто, какъ онъ самъ говорилъ, и вызвали въ немъ переутомленіе и слабость, перешедшія потомъ въ его предсмертную болѣзнь.

Да, Димитрій Ѳедоровичъ былъ нашимъ искреннимъ другомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и истиннымъ нашимъ воспитателемъ. Правда, онъ никогда не принималъ въ бесѣдѣ со студентами наставническаго или обличительнаго тона, онъ не поучалъ насъ, какъ нужно вѣрить, молиться и любить, но мы знали и видѣли, какъ онъ глубоко вѣрилъ, горячо молился и съ какою благожелательностью и любовью относился онъ къ каждому, и слова были не нужны. Въ аудиторіи и кабинетѣ онъ насъ училъ, какъ можно любить науку, своею жизнью онъ училъ, какъ можно любить человѣка.

Димитрій Ѳедоровичъ былъ скромнень, никогда не пре-

тендоваль на широкое общественное поприще и, кажется, не былъ замѣтнымъ общественнымъ дѣятелемъ, но несомнѣнно онъ своимъ непосредственнымъ вліяніемъ своей свѣтлой личности, своимъ яснымъ духомъ воспитываль десятки поколѣній, прошедшихъ нашу школу и подвизающихся теперь на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности въ разныхъ углахъ Россіи.

Прощай, нашъ добрый другъ, учитель и наставникъ! Мы тебя не можемъ забыть.

Рѣчь студента III к., свящ. о. Димитрія Рождественскаго.

Небеса повѣдаютъ славу Божію—сказаль Царь, Пророкъ и Псалмопѣвецъ Давидъ; не только небеса, но и нѣдра земныя вѣщаютъ о славѣ Божіей — дополниль псаломское изреченіе бѣдный рыбарь, по своей и Божьей волѣ ставшій разумнымъ и великимъ. Но не для всѣхъ очевидна и непререкаема эта простая и великая истина, не всѣ соглашались съ нею. И что всего прискорбнѣе — не простеды и невѣжды, а прежде всего многіе изъ людей ученыхъ не хотять видѣть отраженіе славы Божіей въ предметахъ и явленіяхъ природы и даже прямо возглашаютъ дерзновенное: нѣсть Богъ! Вотъ одинъ изъ таковыхъ, при помощи искусно устроеннаго оптическаго аппарата, далеко расширяющаго поле человѣческаго зрѣнія, тщательно изслѣдуетъ сводъ небесный и все украшеніе его, и приходитъ къ выводу, что пусты небеса, и нѣтъ тамъ Бога. Другой проникаетъ въ нѣдра земныя, опускается въ глубину морскую—лишь затѣмъ, чтобы вынести оттуда на свѣтъ Божій явныя, будто бы, доказательства того, что бытописаніе Моисея недостоверно, что оно противорѣчитъ точнымъ выводамъ науки. Иной углубляется въ дебри лѣснаго и, оставляя безъ всякаго вниманія свидѣтельство Откровеннаго Ученія о богоподобіи и богосыновствѣ человѣка, среди безсловесныхъ старается найтти себѣ новое родство. Такимъ образомъ, многочисленныя завоеванія науки, открытія и изобрѣтенія новѣйшихъ временъ удаляютъ многихъ, руководимыхъ лжеименною наукою, отъ Бога и отъ единой вѣчной истины. Кажется, будто человѣкъ, увлекаемый могучею силою пара, хочеть скрытться куда то отъ лица Божія; кажется, будто яркій свѣтъ электричества потемняетъ взоръ человѣка и

скрываетъ отъ него то, что доступно духовному зрѣнію. Съ богатымъ наслѣдіемъ науки и искусства весьма многіе уходятъ отъ Источника истины *на страну далече*: одни тамъ и погибаютъ отъ голода и лишеній духовныхъ, и только нѣкоторые, *въ себе пришедше*, возвращаются къ Отцу своему, со слезами раскаянія и съ мольбою о прощеніи...

Нужны борцы противъ антихристіанскаго направленія современной науки; нужны ученые иного, противоположнаго образа мыслей. Одному изъ такихъ борцовъ, искреннихъ и убѣжденныхъ, — приснопамятному наставнику нашему Дмитрію Θεодоровичу собрались мы нынѣ отдать послѣдній печальный долгъ. Онъ все, почти полувѣковое, служеніе свое высшей богословской школѣ посвятилъ научному раскрытію и выясненію той истины, что всё явленія природы отъ едва замѣчаемыхъ нами до грозныхъ и величественныхъ возвѣщаютъ славу Божію и ясно говорятъ о премудрости Божіей; онъ съ чувствомъ глубокаго убѣжденія доказывалъ, что истинная наука не можетъ и не должна стоять въ противорѣчій съ Богооткровеннымъ словомъ, что истина одна, и она—у Бога; а въ удаленіи отъ Бога, въ противленіи Ему—ложь и гибель. Сознаніе опасности со стороны лжеименнаго знанія было настолько ясно у почившаго, что онъ, обыкновенно скромный и смиренный, возвышалъ голосъ свой и смѣло произносилъ строгій приговоръ надъ учеными представителями безбожія и грубоматериалистическаго міропониманія. Своей высокой миссіи покойный профессоръ оставался вѣрнымъ во всю свою жизнь. Полувѣковое служеніе наукъ и нашей духовной школѣ, безъ сомнѣнія, даетъ ему право на то, чтобы имя его записано было наряду съ другими великими славными именами дѣятелей на нивѣ духовнаго просвѣщенія. Да будетъ вѣчная память честному труженику науки, нашему незабвенному учителю, учителю учителей нашихъ! Да почиетъ онъ отъ трудовъ своихъ!

Будучи человѣкомъ глубокорелигіознымъ, ревнителемъ благолѣпія церковнаго, вѣрнымъ хранителемъ уставовъ Церкви, покойный Дмитрій Θεодоровичъ любилъ усвоить себѣ званіе чтеца церковнаго. На первый взглядъ покажется совершенно непонятнымъ, какой интересъ можетъ представлять званіе столь скромное, столь мало почитаемое — для человѣка, отличеннаго высокими, для немногихъ избран-

никовъ доступными, званіями. Для всѣхъ ясно, что мѣсто и званіе чтеца церковнаго у насъ никого не красить; очень мало и такихъ лицъ, которыя пожелали бы украсить это мѣсто и званіе. Оно завидно развѣ для полуграмотнаго деревенскаго самоучки; человѣкъ образованный смотритъ на него только какъ на переходную ступень, если и пожелаетъ служить Церкви. Но въ глазахъ достойнѣйшаго профессора и самая низшая должность въ клирѣ церковномъ является высокою, важною и почтенною. Выполняя иногда обязанности чтеца въ семъ святомъ храмѣ, покойный являлъ собою примѣръ, достойный подражанія, — для всѣхъ творящихъ дѣло Господне. Въ указанномъ отношеніи онъ былъ поборникомъ интересовъ Православной Церкви и своей среды, — поборникомъ, заслуживающимъ глубочайшей нашей признательности. Да будетъ вѣчная память достойнѣйшему сыну Церкви, благоговѣйнѣйшему чтецу сего святого храма, доброму и вѣрному рабу Божію Димитрію!.. Исполнено завѣтное желаніе почившаго: вотъ онъ предъ нами въ свѣтломъ церковномъ облаченіи; да удостоить его Господь ризы бѣлой и въ небесномъ Царствѣ за любовь его къ святой Церкви и ревность о благолѣпін дома Божія!

Стоя во главѣ благотворительнаго учрежденія, почившій не довольствовался чисто формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Нѣтъ, можно сказать, всѣ имѣвшіе въ немъ нужду дѣлались ему близкими, родными; часто не они шли къ нему съ просьбами, а онъ отыскивалъ ихъ, сообщалъ объ исходѣ ихъ ходатайствъ, давалъ совѣты, ободрялъ, утѣшалъ; всѣхъ нуждавшихся въ немъ онъ зналъ по имени. Значительная часть собственныхъ средствъ почившаго уходила на дѣла благотворительности. На пути отъ Академіи къ его квартирѣ не рѣдкость было встрѣтить получившихъ отъ него милостыню и восхвалявшихъ его щедродательность. Смѣлая и требовательная, громко заявляющая о своихъ нуждахъ нищета, которую мы обыкновенно считаемъ недостойною нашего вниманія и сочувствія, не уходила съ пустыми руками отъ добрѣйшаго Димитрія Теодоровича. Тѣмъ болѣе пользовались отъ щедротъ его тѣ, которые и копать не могутъ и просить стыдятся. Да будетъ же вѣчная память этому доброму, отзывчивому и незлобивому человѣку, любившему ближнихъ не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною!

Питомцамъ Академіи извѣстно обыкновеніе покойнаго Дмитрія Θεодоровича записывать имена всѣхъ испытывавшихся въ его присутствіи, иногда съ болѣе или менѣе подробными замѣтками о качествахъ отвѣтовъ и о впечатлѣніи, произведенномъ на него тѣмъ или другимъ воспитанникомъ. Знаменательно это обыкновеніе! Ни къ кому изъ многочисленныхъ учениковъ своихъ не хотѣлъ онъ относиться безъ должной внимательности, равнодушно и безучастно; не тѣсно было имъ и въ его сердцѣ. Всю жизнь читавшій съ великимъ усердіемъ двѣ великихъ книги—книгу Слова Божія и книгу природы, онъ и cadaго человѣка почиталъ книгою, въ которой Самъ Богъ пишетъ перстомъ Своимъ. Нашъ священный долгъ начертать имя приснопамятнаго наставника нашего на скрижаляхъ сердецъ нашихъ на вѣчную память!

Рѣчь препод. Виоанской духовной Семинаріи А. П. Малинина.

Ветхозавѣтный псалмопѣвецъ оставилъ намъ дивное по своей художественной красотѣ изображеніе истиннаго праведника. „*Господи, кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ или кто вселится во святую гору Твою?*“ спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: „*ходяи непороченъ и дѣлаяи правду, глаголаяи истину въ сердцѣ своемъ; иже не ульсти языкомъ своимъ и не сотвори искреннему своему зла..... кленыйся искреннему своему и не отменяя: сребра своего не даде въ лихоу и мзды на неповинныхъ не пріяетъ*“ (Пс. 14). Вотъ, братіе, образъ почившаго Дмитрія Θεодоровича. Кроткій, какъ агнецъ, незлобивый, какъ голубь, чистый и невинный, какъ младенецъ, онъ былъ совершенный праведникъ, истинный мудрецъ, ангелъ во плоти. Какъ свѣча, онъ горѣлъ пламенною любовью къ Богу; его жизнь была непрерывной жертвой Творцу. Вездѣ онъ видѣлъ присутствіе Божіе, и въ сіяніи солнца, и въ блескѣ звѣздъ, и въ журчаніи ручья и въ шелестѣ травъ. Неудивительно, что въ немъ все было поучительно, его безкорыстная и самоотверженная дѣятельность, его произведенія, проникнутыя духомъ святоотеческихъ твореній, внѣшній образъ его суровой, аскетической жизни, его исполненная любви и смиренія рѣчь. Это былъ великій человѣкъ, потому что онъ имѣлъ доброе сердце. Онъ все отдавалъ бѣднымъ и поэтому самъ ничего не имѣлъ. Много людскаго горя утѣшилъ онъ, много

отеръ онъ слезъ! Когда онъ благотворилъ, то, поистиннѣ, его правая рука не знала, что творить его лѣвая рука. Онъ боязливо избѣгалъ всякихъ выраженій благодарности, всякихъ почестей и славы, а она бѣжала за нимъ по пятамъ. Свои личныя потребности онъ ограничивалъ до крайней степени. Его пища была подобна той, которой питались древнiе пустынножители. Даже лежа на смертномъ одрѣ онъ соблюдалъ строгiй постъ, хотя это было убiйственно для его организма.

Какъ ученый, Димитрiй Теодоровичъ отличался строгою честностию и скромностию. Онъ не любилъ громкихъ фразъ, модныхъ, часто легкомысленныхъ и обыкновенно недолговѣчныхъ теорiй. Все, что онъ говорилъ, было имъ выношено, тщательно провѣрено и до тонкостей, до мелочей обдуманно; никто не слыхалъ отъ него празднаго пустого слова. Его воззрѣнiя на природу отличались замѣчательною широтою и глубиною. Миръ представлялся ему не бездушнымъ механизмомъ, не ареной борьбы слѣпыхъ силъ, а цѣлостнымъ организмомъ, полнымъ внутренняго смысла, внѣшняго великолѣпiя и прелести, возбуждающимъ религiозное умиление и поэтическiй восторгъ.

Замѣчательны были послѣднiе дни жизни почившаго. Димитрiй Теодоровичъ умиралъ, какъ истинный философъ и праведникъ. Все время онъ, по преимуществу, посвящалъ чтенiю слова Божiяго; но при этомъ онъ не оставлялъ и своихъ научныхъ занятiй. Онъ живо интересовался новѣйшими научными открытiями, много читалъ и даже за нѣсколько дней до смерти производилъ доступные его угасающимъ силамъ физическiе опыты. Вообще, чѣмъ болѣе разрушалась его плоть, тѣмъ болѣе укрѣплялся, торжествовалъ и какъ бы окрылялся его духъ, предчувствующiй освобожденiе отъ узъ бреннаго тѣла и возвращенiе въ горнее отечество.

Нужно-ли, братiе, говорить объ общественномъ значенiи жизни почившаго? Это скорбное торжество церковное, эта грусть, объединяющая всѣхъ насъ здѣсь присутствующихъ, развѣ не служатъ краснорѣчивѣйшимъ свидѣтельствомъ могущественнаго влiянiя обаятельной личности и подвижнической жизни почившаго? Онъ есть одинъ изъ тѣхъ немногихъ праведниковъ, ради заслугъ которыхъ Правосуд-

ный Богъ щадитъ цѣлыя государства, потому что они своею жизнью и дѣятельностью животворятъ общественный организмъ. Онъ есть соль земли, сохраняющая общество отъ нравственнаго растлѣнія. Онъ есть свѣтъ мира, свѣтильникъ, указывающій путь жизни и разгоняющій тьму заблужденій и неправды.

Вѣчная память тебѣ, дорогой наставникъ! Моли Господа Бога о насъ грѣшныхъ.

Академическій храмъ былъ переполненъ молящимися. Прощаніе съ почившимъ затянулось долго.

Но вотъ кончено все. Гробъ взяли студентами и на рукахъ вынесенъ изъ храма. Гробъ пронесли по академическимъ корридорамъ, по которымъ такъ часто ходилъ и любилъ ходить почившій. Потомъ академическимъ садомъ понесли его на академическое кладбище; мѣсто временнаго покоя почившему отвели среди могилъ самыхъ почетныхъ слугъ и начальниковъ Академіи. У могилы студентомъ 4-го курса были прочитаны слѣдующіе стихи:

Блаженной памяти родитель
Тебѣ святой завѣтъ оставилъ;
Всю жизнь свою ты былъ хранитель
Его старинныхъ взглядовъ, правилъ.

*
* * *

Ты свѣточъ вѣры былъ живой,
Источникъ силъ твоихъ въ ней былъ...
Науки выводы земной
Ты словомъ Божьимъ освѣтилъ;

*
* * *

Ты нашу вѣру укрѣплялъ,
Давида пѣсни намъ читалъ.
На дѣлѣ ты осуществлялъ
Служенья Церкви идеалъ.

*
* * *

Ты славы тлѣнной и земной
Въ своемъ смиреньи не искалъ,
Но часто всѣмъ намъ былъ слугою
И многихъ въ жизни поддержалъ.

*
* * *

Ты образцомъ былъ правой вѣры,
 Намъ завѣщаль любовь и братство.
 Въ трудахъ своихъ не зналъ ты мѣры—
 На пользу всѣмъ, не для богатства.

* * *

Тебѣ вѣнокъ—твой дѣла,
 Ума и сердца просвѣтитель!
 Тебѣ ужъ не нужна хвала...
 Покойся-жь въ мирѣ, нашъ учитель!

Затѣмъ послѣдняя краткая литія, послѣднее и „вѣчная память“ и гробъ стали опускаться въ могилу. Полетѣли туда комки мерзлой земли, стуча о крышку гроба. Едва ли кто бросалъ туда землю съ иными чувствами, кромѣ чувствъ искренней любви къ почившему и горячихъ благожеланій на его пути въ иной неземной міръ и думаю, что Д. Ф. дѣйствительно стяжалъ вѣчную память. Тропа къ его могилѣ никогда не заростетъ. Его памятникъ никогда не затеряется среди другихъ памятниковъ, никто его не смѣшаетъ ни съ какимъ другимъ памятникомъ. Сіе буди, буди...

Память покойнаго почтили сочувственными телеграммами слѣдующія лица.

Изъ Москвы.

Царствіе небесное многоуважаемому Дмитрію Феодоровичу. Вторникъ буду молиться заочно.

Митрополитъ Владиміръ.

Изъ Костромы.

Царствіе небесное рабу Божію Дмитрію. Усердно молюсь. Очень желалъ прибыть на похороны, но переправа черезъ Волгу не совсѣмъ благонадѣжна.

Епископъ Виссаріонъ.

Изъ Житомира.

Отслуживъ торжественную панихиду по Дмитрію Феодоровичу въ присутствіи всей Семинаріи, присоединяемся къ чувствамъ, охватывающимъ Московскую Академію.

Епископъ Антоній, Ректоръ, Инспекторъ, наставники и ученики Семинаріи.

Изъ Москвы.

Московская Семинарія проситъ принять выраженіе ея глубокаго соболѣзнованія, по случаю кончины выдающагося уче-

наго, рѣдкаго человѣка и истиннаго христіанина Дмитрія Ѳеодоровича и соединяется съ Академіею въ горячихъ молитвахъ объ упокоеніи его чистой и высокой души.

Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Анастасій.

Изъ Пензы.

Молитвенно помянувъ почившаго Дмитрія Ѳеодоровича, выражаемъ Академіи искреннее соболѣзнованіе по поводу понесенной ею тяжелой утраты.

Бывшіе слушатели и почитатели Дмитрія Ѳеодоровича, живущіе въ Пензѣ.

de Gegel.

Beweine mit Akademie hingschiedenen unvergesslichen Apologeten und Menschen.

Malzew.

Изъ Петербурга.

Соболѣзную родной Almae matris объ утратѣ достойнѣйшаго сына Дмитрія, вошедшаго въ покойъ Божій.

Глубоковскій.

Изъ Москвы.

Лишенный возможности быть на погребеніи высокочтимаго Дмитрія Ѳеодоровича, считаю долгомъ стараго студента Московской Академіи мысленно принять участіе въ академическихъ проводахъ достославнаго учителя и высказать Вашему Преосвященству и молодымъ студентамъ, какъ мы сердечно цѣнимъ почившаго. Въ немъ мы видѣли прекрасную отрасль той академической эпохи, которая блистала лекціями и трудами глубокаго русскаго философа его родителя Ѳедора Александровича, Филарета Гумилевскаго, Делицына, Горскаго, Кудрявцева, Амфитеатрова, да упокоить Господь праведную душу новопреставленнаго апологета христіанства въ естествовѣдѣніи и да хранитъ и Васъ Духъ и преданія достославныхъ академическихъ временъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Владиміръ Назаревскій.

Въ Евангеліи есть одна чудная страница. Однажды Христосъ Спаситель проповѣдывалъ, окруженный громадными толпами народа. Черезъ толпу нельзя было пробраться къ Нему никакимъ образомъ. А между тѣмъ къ Нему пришли Его Мать и братья, желая говорить съ Нимъ., Нѣкто сказалъ Ему: вотъ Матерь твоя и братья твои стоятъ вѣдь, яко

дая говорить съ Тобою. Онъ же сказалъ въ отвѣтъ говорившему: кто мать Моя? и кто братья Мои? И указавъ рукою Своею на учениковъ Своихъ, сказалъ: вотъ мать Моя и братья Мои. Ибо кто будетъ исполнять волю Отца Моего небеснаго; тотъ Мнѣ братъ, и сестра и мать“. (Мѣ. 12, 46—50).

Кромѣ тѣлеснаго родства есть еще родство духовное. Оно даетъ людямъ тысячи братьевъ, тысячи матерей. Эти новые братья и новые матери часто соединены другъ съ другомъ гораздо болѣе тѣсными узами, чѣмъ родные по плоти братья и сестры, потому что узы духовныя, сильнѣе и глубже узъ плотскихъ.

Д. Ѳ. умеръ совершенно одинокимъ. Но одинокимъ ли онъ умеръ въ духовномъ смыслѣ этого слова? Мнѣ думается, что далеко не одинокимъ. Онъ имѣлъ множество сестеръ, множество братій, множество матерей.

Когда несли гробъ по Академическому саду, весь онъ былъ наполненъ народомъ. Я долго и зорко всматривался въ лица, жадно всматривавшіеся въ процессію. Среди толпы я многихъ замѣтилъ любопытствующихъ. Но среди этихъ многихъ сколько я видѣлъ такихъ людей, которыхъ привело сюда не простое любопытство, а нѣчто гораздо большее любопытство. Я никогда не забуду этихъ лицъ, не забуду этой трогательной молитвы, этихъ горячихъ слезъ, какими они провожали своего друга въ загробный міръ. Какъ среди сорной травы выдѣляется прекрасный цвѣтокъ, такъ и среди массы любопытствующихъ выдѣлялись эти лица. Кто же они? Это и есть братья, сестры и матери покойнаго. Они связаны съ нимъ такими узами, которые никогда не порвутся. Покойный не былъ женатъ. Не было у него дѣтей. Но на гробъ и могилку его столько будетъ приходиться людей, сколько не будетъ ихъ приходиться на гробъ и многочаднаго отца... Какой чудный памятникъ—памятникъ изъ живыхъ людей. Какъ рѣдко удостоиваются его люди...

Глядя на это множество духовныхъ чадъ почившаго, такъ усердно и искренно молившихся за него, я думалъ еще, что не страшно умирать и одинокому, если онъ будетъ жить по завѣтамъ Христа... Вотъ и сейчасъ я вижу, какъ одинъ человекъ „отай“ раздавать серебряныя монетки нищимъ, прося ихъ помянуть умершаго. Этотъ человекъ для Д. Ѳ.

совершенно чужой. Любовь Д. Θ. породнила его съ нимъ, заставила его быть для него своимъ и дѣлать въ эту минуту то, что дѣлалъ бы на его мѣстѣ дѣйствительно родной ему человѣкъ... Думалъ и другое еще я...

Современное христіанство, чуждое и далекое отъ жизни, противорѣчащее весьма часто прямымъ завѣтамъ Христа, все болѣе и болѣе заставляетъ книжка терять ее силу и обаятельность историческаго христіанства. Не даромъ нѣкоторые теперь говорятъ, что „христіанство не удалось“ и что нужно создать новое христіанство. Д. Θ. высокимъ примѣромъ своей чистой жизни истаго христіанина въ тысячи душъ вдохнулъ вѣру въ христіанство, еще въ большемъ количествѣ людей углубилъ ихъ любовь къ завѣтамъ Христа Спасителя. Сколько черствыхъ эгоистичныхъ натуръ будутъ теперь снова вѣрять въ силу добра и Божіей правды на землѣ. Какая же великая награда должна быть тому, кто не только научилъ и самъ сотворилъ, но и людей заставилъ творить Божію правду?... Я склоненъ даже думать, что подобные люди посылаются не безъ особаго провидѣнія Божія. Это—люди провиденціальные.... Если это такъ, то Д. Θ. свое дѣло окончилъ на землѣ вполне.

Д. Θ. въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаетъ мнѣ двухъ выдающихся общественныхъ западныхъ дѣятелей—Гладстона и Франклина. Гладстонъ отличался необыкновенной религіозностью. Искреннюю вѣру, проявлявшуюся еще въ дѣтствѣ, онъ сохранилъ въ теченіе всей своей жизни. Зачастую онъ являлся въ роли политика духовнымъ пастыремъ. Прежде чѣмъ говорить въ Парламентѣ, Гладстонъ постоянно призываетъ на помощь Божественный Промыслъ. „Я въ продолженіе получаса говорилъ объ университетскомъ биллѣ,—пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—гораздо свободнѣе, чѣмъ ожидалъ, такъ какъ я весьма часто вспоминалъ о Божественной помощи“. Еще будучи совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, онъ наполнялъ свой досугъ въ промежутки предъ своими рѣчами въ Нижней Палатѣ тихой молитвой до того момента, пока на него не обращался взглядъ спикера. Однажды онъ выступилъ съ пламенной рѣчью по поводу торговли невольниками въ Вестъ-Индіи. Въ дневникѣ за этотъ день у него записано: „Искренняя молитва вылилась у меня въ моемъ горѣ. Я надѣюсь, что это не было кощунствомъ, такъ какъ

я призывалъ Божию помощь на правое дѣло“. Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „постоянно въ минуты печали или испытаній осѣняли меня, какъ посланія Небесъ, какія-нибудь слова Св. Писанія“. Будучи уже восьмидесятилѣтнимъ чело-вѣкомъ, Гладстонъ выражалъ въ своемъ дневникѣ огорче-нiе по поводу того, что слабость здоровья мѣшаетъ ему по-сѣщать раннюю службу, какъ это онъ постоянно дѣлалъ въ продолженiи полувѣка. Жаловался на то, что его мало воз-награждаютъ за это лишенеiе, (пропускъ утреннихъ богослу-женiй) двѣ вечернихъ молитвы въ 5 и 7 часовъ.

Веніаминъ Франклинъ умеръ 84 лѣтъ. Въ теченіе всей своей жизни онъ велъ дневникъ. Въ этомъ дневникѣ осо-бно любопытна одна таблица, по которой онъ ежедневно провѣрялъ себя, свои достатки и недостатки, не скрывая ни своихъ паденiй, ни возстанiй. Вотъ эта любопытная таблица: „прилежаніе, молчаливость, порядокъ, смѣлость, бережли-вость, любознательность, искренность, честность, умѣренность, чистота, душевный миръ, нравственность, смиреніе. „Онъ, ко-нечно, никогда въ теченіе всей своей жизни не боялся смерти, — этой неизбежной спутницы чело-вѣка на землѣ. Стараясь всѣми силами выполнить въ своей жизни завѣты Христа, онъ смѣло смотрѣлъ въ глаза смерти. Праведнику нечего бояться ея. Онъ такъ мало боялся смерти, что еще при жизни сочинилъ себѣ чудную эпитафію, которая потомъ украшала его памятникъ. Вотъ что онъ велѣлъ написать на своемъ памятникѣ послѣ смерти: „Тѣло Веніамина Франк-лина типографа, какъ обложка старой книги, изъ которой вырваны всѣ листки, безъ заглавія и позолоты, почиваетъ здѣсь на пищу червямъ; но само сочиненіе не пропадетъ. Оно будетъ издано въ новомъ и лучшемъ изданiи, пересмот-рѣно и исправлено Сочинителемъ“.

У св. Григорія Богослова есть одна чудная эпитафія. Вотъ она: „Ты одинъ показалъ намъ, какъ жизнь равную ученію, такъ и ученіе равное жизни... Не многимъ дышалъ ты на землѣ, но все принесъ и отдалъ въ даръ Христу, и душу, и тѣло, и слово, и руки!.. (т. V, стр. 316—318).

Эта эпитафія можетъ быть цѣликомъ высѣчена на камнѣ, который современемъ будетъ поставленъ на его могилѣ.

Архимандритъ Евдокимъ.